

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

ترازهای ماتی کورای نوبدی مادراء قفقاز
(کوه: پشت قفقاز)

بۆلۈمە وىكار و مامۇستى قوشمە دىست كورداناس
آندى پروف. م. م. مكرى
م. روزىكو
لنىنگراد نوامبر ۱۹۷۰

М. Б. Руденко

ПОХОРОННЫЕ ПЕСНИ КУРДОВ-ЕЗИДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Причитания, похоронные и траурные песни народов Востока (Ближнего Востока и Закавказья) совершенно не изучены; количество изданных текстов этих песен в сравнении с другими жанрами фольклора очень незначительно.¹ Это, по-видимому, объясняется тем, что большинство народов Ближнего Востока и Закавказья сохраняет свои траурные и похоронные песни в большой тайне.²

Причитания и похоронные песни интересны тем, что, будучи древнейшим поэтическим жанром,³ они в то же время у большинства народов составляют один из немногих творчески бытующих образцов фольклора. „Это не эпическая старина, не «памятник», не «рудимент», но вполне живое бытующее поэтическое явление“.⁴

Похоронные песни и причитания, в которых устоявшиеся формулы сочетаются с широкой импровизацией, вызванной глубоким чувством горя, позволяют заглянуть в сокровенные тайники народной души, увидеть все богатство ее творческих возможностей.

Фольклор курдов-езидов несравненно богаче, многограннее и красочнее фольклора курдов-мусульман. Это понятно: курды-езиды, в отличие от мусульман, не имели письменных традиций, и грамотность всегда оставалась привилегией узкого круга езидского духовенства. Поэтому все богатство большого и яркого поэтического дарования курдской души воплотилось в устном творчестве.

Среди многочисленных образцов записей текстов различных жанров курдского фольклора — сказок, эпических сказаний, героических и лирических песен, пословиц и поговорок — похоронные песни (k'îlamê şîna) совершенно не представлены. Большинство исследователей-этнографов, описывая погребальные обряды курдов (как езидов, так и мусульман), отмечали, что сразу же после смерти близкие родственники умершего

¹ См.: Таронаҳои Самарқанд. Душанбе, 1966, стр. 99—107; А. Э. Розенфельд. Намунаҳои фольклори Дарвоз. Душанбе, 1962, стр. 145—147; Рубоӣёт ва сурудиҳои халқии Бадахшон. Душанбе, 1965, стр. 101—105.

² См.: Д. Червеняков. Похоронные обычаи в верхней Сванетии. СМОМПК, XXXVI, отд. 2, стр. 152.

³ К. В. Чистов. Причитания. Л., 1960, изд. „Сов. писатель“, стр. 10.

⁴ М. К. Азадовский. Ленские причитания. Чита, 1922, стр. 10.

начинают причитать и петь траурные песни.⁵ Однако ни в одной из работ тексты похоронных песен не приведены.

Долгое время все мои попытки записать у курдов-езидов тексты похоронных песен встречали категорический отказ. Наконец, мне удалось записать у разных лиц несколько похоронных песен, тексты которых публикуются ниже. Стремление сохранить свои похоронные песни в тайне объясняется, по-видимому, тем, что курды-езиды относят их к числу сокровенных песен и из суеверного страха не исполняют их вне обряда. Именно поэтому мне в своих записях пришлось ограничиться фиксацией текста, не касаясь мелодической стороны.⁶

Похоронные песни курдов-езидов непосредственно связаны с погребальным обрядом и исполняются в определенные его моменты: сразу же после смерти покойного — пока он еще в постели, после того как покойник одет и уложен на стол или тахту, на второй и третий день — пока покойный находится дома, по дороге на кладбище, и, наконец, у могилы — перед самым погребением. Во всех случаях похоронные песни исполняются только днем; существует поверье, что если петь и плакать вечером и ночью, покойнику будет сыро в могиле. Исполнение похоронных песен обязательно. У курдов считается большим позором, если при погребении покойника не оплакали в похоронных песнях.⁷

Сразу после смерти покойного поют обычно только женщины — ближайшие родственницы (жена, мать, дочь, сестра). После того как покойник обряжен и уложен, у изголовья садятся его ближайшие родственницы — их называют *dilşewat* (букв. „с горящим сердцем“) — и начинают петь похоронные песни. После них поют более дальние родственницы и, наконец, любая из присутствующих. Из числа последних обычно в первую очередь поют те, которые недавно понесли утрату близкого; их называют *dilşikesti* (букв. „с разбитым сердцем“). Они в своих песнях оплакивают не столько покойника, сколько своего умершего родственника и даже называют в песнях его имя.

После женщин начинают петь мужчины в той же последовательности, что и женщины. Обычно мужчины оплакивают только мужчин, однако в отдельных случаях, если женщина отличалась особыми качествами — доблестью, отвагой, необычайным умом или стояла во главе племени, мужчины оплакивают ее смерть в похоронных песнях.

⁵ С. Егизаров. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. Зап. Кавк. отд. РГО, т. 13, стр. 53; Г. Ф. Чурсин. Азербайджанские курды. Изв. Кавк. ист.-археол. инст., т. III, Тифлис, 1925, стр. 10; О. Л. Вильчевский. Мукринские курды. Переднеазиатский этногр. сборник, I, М., 1958, стр. 216; Мела Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисл. и прим. М. Б. Руденко. М., 1963, стр. 17 и 50; Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья. 1966, стр. 164; Hansen Henny Harald. The Kurdish woman's Life. København, 1961, p. 140—141.

⁶ Напев похоронных песен, выдержанный в минорных ладах, начинается на высоких нотах и, модулируя, спускается на более низкие.

⁷ По свидетельству курдов-мусульман, они приглашают на свои похороны курдов-езидов, которые считаются несравненно лучшими знатоками и исполнителями похоронных песен.

У курдов-езидов нет профессиональных плакальщиц (-ков), но отдельные лица славятся знанием множества похоронных песен и хорошим их исполнением. Иногда в случае смерти какого-нибудь почетного члена рода или племени их приглашают для оплакивания покойного.

Курдские похоронные песни никогда не исполняются хором, всегда только в одиночку. Это свидетельствует об отсутствии особой стабильности текста и дает широкие возможности для индивидуальной импровизации. Исполнители похоронных песен поют по очереди, независимо один от другого; элемент „отвапливания“ полностью отсутствует. Невзирая на малую форму (трех-, четверо- и пятистишия) курдских похоронных песен, текст их нельзя назвать неизменяемым. О них можно сказать, что текст их в первоначальной форме неповторим.⁸ Каждый исполнитель наряду с веками выработанными установившимися формулами⁹ вносит элементы импровизации, к которой побуждают его качества умершего, сила чувства утраты и собственные творческие возможности.

Курдские похоронные песни можно разделить на два основных цикла — мужской и женский. Песни мужского цикла характерны наличием в них наряду с лирическими героико-эпическими элементами, в них говорится о мужской доблести, о решающих битвах, о боевых конях, воспеваются отцовская, братская и сыновья любовь.

В песнях женского цикла преобладают лирические элементы — жалобы на одиночество, скорбь по поводу утраты, просьбы к покойному взять ее с собой и т. п.

Обычно курдские похоронные песни строго разграничены: женские песни исполняются только женщинами, мужские — только мужчинами. В отдельных случаях, если текст песни нейтрален, она может исполняться и мужчинами, и женщинами. При этом непременно меняются запев и рефрен¹⁰ (см. далее).

Особо выделяются в мужском цикле песни, исполняемые во время обряда „котэль“ (k'otel), в котором участвуют одни мужчины.

Обряд этот состоит в том, что боевого коня покойного в день погребения водят по деревне с траурными песнями. Коня седлают, на седло кладут оружие, одежду и шапку (k'oloz) умершего, на шею коня вешают черную материю, если покойный — старик, и яркую, если покойный — молодой человек.¹¹ Хвост коня, который обычно заплетают в косу, во время обряда „котэль“ не заплетен. Если покойный — молодой человек и конь его — белой или серой масти, часто хвост коня окрашивают хной.

Кто-нибудь из мужчин (обычно один из почетных членов племени), взяв в руки знамя племени (beugaq), берет коня под уздцы и медленно

⁸ Ср.: К. В. Чистов. Причитания, стр. 10.

⁹ См.: О. Л. Вильчевский. Мукуринские курды, стр. 216.

¹⁰ В частности, песню № 13 мне довелось слышать в мужском и женском исполнении.

¹¹ См.: Г. Ф. Чурсин. Азербайджанские курды, стр. 10; обряд „котэль“ описан современным советским курдским писателем Ахмедом Мирази (Мои воспоминания. Ереван, 1966, стр. 89—91, на курдском языке).

ведет его по деревне от дома к дому. При этом поют траурные песни, в которых говорится о воинской доблести умершего, о днях сражений, о торжестве врагов и сетовании друзей по случаю смерти покойного и т. д.

Обряд котэль устраивают только в том случае, если у покойного (непрерменно мужчины) не осталось сыновей — продолжателей рода, прямых наследников имущества.¹²

Навстречу процессии „котэль“ движется другая процессия — это группа всадников и пеших из соседних деревень, оповещенных о смерти, пришедших выразить сочувствие. Их называют hewariyê. Они тоже несут свое знамя. Когда обе процессии встречаются, то пришедшие снимают с коня свое знамя и кладут его на коня, принадлежавшего покойному. При этом все по очереди исполняют похоронные песни. В погребальной процессии коня ведут перед гробом.

В настоящее время обряд „котэль“ постепенно исчезает. Теперь его можно наблюдать только в некоторых деревнях. На городских похоронах песни, связанные с обрядом „котэль“, исполняют во время траурной процессии и на кладбище.¹³

Специальный цикл песен, исполняемый и мужчинами, и женщинами, посвящен оплакиванию умерших на чужбине, доля которых считается особенно тяжелой, ибо их не оплакали в песнях, не предали земле по родному обычаю, а главное, если они умерли насильственной смертью, то они остались неотмщенными (см. №№ 18, 19, 27—29).

Один из наиболее частых мотивов курдских похоронных песен — жалобы, упреки, обращенные к покойному; мотив этот, как отмечает М. Азадовский, один из наиболее древних¹⁴ (см. №№ 2, 5). С ним тесно связан другой мотив — мотив одиночества, покинутости. К числу наиболее древних принадлежит и заклиательный мотив — обращение к природе с просьбой не портить красоты ушедших (см. № 21).

Излюбленный образ в курдских похоронных песнях — описание сиротской доли на фоне картин природы (см. №№ 11, 12).

Большое место уделяется в песнях воспеванию родственных чувств (см. №№ 23—25).

Часто встречается мотив просьбы, жалобы и упрека к лекарям, не сумевшим исцелить покойного (см. №№ 16, 17 и 40). С этим мотивом связано сетование на то, что ничто, кроме могильной земли, не исцелит раны покойного и понесшего утрату (см. №№ 17, 31).

В курдских песнях умершего называют по имени и степени родства. Однако чаще всего покойного называют „всадник“ (syaro), „всадник,

¹² У курдов-езидов одним из наиболее тяжелых считается проклятие „Пусть траурная процессия «котэль» двинется от твоих дверей“ (bra k'otelê feş ber derê te bigefe). Так выражается желание умереть, не оставив после себя прямых наследников — продолжателей рода.

¹³ Большая часть сведений о погребальных обрядах записана мной со слов Алийе Джанго (род. в 1924 г., сел. Джарджарис, Апаранский район; грамотный, живет в Тбилиси). Приношу ему глубокую благодарность.

¹⁴ М. Азадовский. Ленские причитания, стр. 43.

сидящий на жеребце, кобылице“ (syarê wê se'niyê, mih'inê), „падишах всадников“ (p'atşayê syara), „роза всадников“ (gula syara), „прекрасный юноша“ (hortê t'ûre), „прекрасный всадник“ (şengesyar) и т. п. Ангел смерти — Азраил — именуется в похоронных песнях „изымающий душу“ (fuh'stin), „человек, (приносящий) горе, беду“ (mêrê kulê, mêrê olim).

Смерть не всегда описывается метафорически, иногда прямо говорится „такой-то (имя умершего) умер“, иногда же смерть выступает в образе убийцы или врага (см. также № 32).

Иногда исход души выступает в поэтическом образе убежавшей газели (см. № 12); здесь, вероятно, прослеживается влияние других жанров курдского фольклора, в частности лирических песен и сказок, в которых газель символизирует желанный и труднодоступный образ.

Влияние сказочного фольклора можно видеть и в другом образе — пастуха, которому не заплатили за его многолетний труд. Этот образ символизирует отца, потерявшего сына, в котором он видел опору в старости (см. № 7). Из фольклора заимствован и встречающийся в похоронных песнях мотив клятвы — отказаться от всех радостей после смерти близкого (см. № 30).

Среди похоронных песен есть такие, в которых прямо рассказывается о событиях. Есть другая группа песен, в которых нет прямого рассказа о случившемся, а подчеркивается одна характерная деталь, которая сразу позволяет правильно осмыслить текст (см. № 44). Судя по первым строкам, эту песню можно принять за свадебную, однако последняя строка все проясняет.

Очень важно помнить, что курдские похоронные песни, как и вся народная курдская поэзия, включают в себя ситуацию, без знания которой нельзя правильно осмыслить текст. Следует отметить, что из всех жанров народной лирики в похоронных песнях ситуация угадывается легче.

Большое место в курдских похоронных песнях занимает природа — горные вершины, покрытые снегами, обнаженные деревья, опавшая листва, родники, скалы, снежные проталины, весенний ливень, душистые травы, колышущиеся на ветру; все эти детали органично вплетаются в основные мотивы, создавая своеобразный фон. Часто природа не просто служит фоном, но сама участвует в переживаниях героев: то она оплакивает утрату потоками осеннего ливня, то вместе со скорбящими застывает в немом горе.

Отличительная черта курдских песен — предельная лаконичность, сочетающаяся с большой эмоциональной выразительностью, способной вызвать у слушателя определенное настроение.

Язык песен очень образный, поэтический и в то же время суровый, отличается большой простотой. Встречается множество выражений-формул, по которым можно безошибочно опознать похоронную песню: syarê hespê dêlberday — „всадник на коне с расплетенным хвостом“, girtiyê mêrê olime — „пленник злосчастного“, xirab kiriye mala xwe bi t'enê — „разрушил один лишь дом свой“, hê ji derê mala te tê dengê giri û sewta şinê — „вот от дверей дома твоего доносятся звуки плача и

причитаний“, ç'avê xwe digeînim, syarê xwe nabînim — „глазами [все] обвожу, всадника своего не вижу“ и т. д.

Эти стандартные формулы сочетаются с живой эмоциональной речью, пересыпанной восклицаниями и риторическими вопросами. Песням мужского цикла предшествует обычно зачин: lo-lo syaro, hey-lo syaro — „ло-ло всадник, хей-ло всадник“, lo-lo bavo — „ло-ло отец“, hey-lo birao — „хей-ло брат“. Женские песни в большинстве случаев имеют рефрен lê-wayê, lê-wayê.¹⁵

По форме курдские похоронные песни представляют трех- и четверостишия с рифмой aaa, aabb; встречаются и пятистишия с рифмами aabbb и aaabb. Иногда попадаются пяти- и шестистишия со свободной рифмой. Начальные строки в таких песнях представляют простые восклицания, вырвавшиеся у исполнителя под наплывом чувств и нарушившие общую рифму:

Bavo, min belengazî, min sefilî, min sergerdan,
Bavê min mirîye, ez bûme sefil.

Далее следует устоявшаяся формула:

Bavo, bavî tiştêkî çêye,
Zeynete rî e'rdêye.

Следует отметить, что в курдских похоронных песнях отсутствует силлабизация. Здесь мы имеем дело с тонической метрикой стиха, т. е. количество слогов в строках неодинаково, но большая часть строк обладает равным числом ударений, причем место расстановки их не постоянно.

Ê'wr ezmâna nayê denge,
Emê t'abûteke malxwê malêga çêkin dara çamê t'extê renge,
Bra malxwê malê têda negire xûbar û zenge.

В этой связи интересно отметить, что похоронные песни, будучи одним из древнейших жанров, отражают более раннюю стадию в развитии метрики народного стиха. Для средневековой курдской народной поэзии характерна силлаботоника, оказавшая влияние и на классическую поэзию. По-видимому, первоначально метрика курдского народного стиха была основана на тоническом принципе.

Встречаются строки с двумя и четырьмя ударениями. Последняя строка всегда значительно длиннее предыдущих.

Публикуемые здесь тексты записаны мной из уст курдов-езидов Закавказья (Тбилиси). Большинство из лиц, сообщивших мне тексты, славились знанием множества похоронных песен и прекрасным их исполнением. Приводим список этих лиц:

Алийе Джаво, 1892 г., из дер. Корых-бугаз (Апаранский район, Арм. ССР), живет в Тбилиси, неграмотный (№№ 1, 2, 4, 5, 22—24, 32—34).

Бедиль Тафур, 1928 г., из дер. Кураканд (Ереванский район), живет в Тбилиси, грамотная (№№ 3, 7—11, 18—21).

¹⁵ lo-lo — междометие при обращении к мужчине, lê-lê — к женщине.

Сачо Хаджи, 1910 г., выходец из Турции, Ванский район, дер. Муче (Ванский вилайет), живет в Тбилиси, грамотный (№№ 28—31, 35, 41—44).

Сабри Шавеш, 1910 г., из дер. Джарджарис (Апаранский район), живет в Тбилиси, неграмотная (№№ 12—17).

Окоёе Слеман, 1891 г., выходец из Турции (г. Карс), живет в Корыхбугазе, неграмотный (№№ 36—38).

Хамойе Хасан, 1933 г., из дер. Джамушван (Апаранский район), живет в Тбилиси, грамотный, работает на фабрике; один из лучших певцов-сказителей (№№ 25, 26, 40).

Керим Бабаси, 1882—1967 гг., выходец из Турции (дер. Кара-джога), жил в Тбилиси, неграмотный (№№ 27, 39).

Джалиле Решо, 1884 г., выходец из Турции, живет в Тбилиси, неграмотный (№ 6).

Пользуюсь случаем выразить всем, сообщившим мне тексты похоронных песен, самую глубокую признательность. Приношу также искреннюю благодарность К. В. Чистову, чьи ценные замечания и советы немало помогли мне в работе.

1. Lûrika min darîne,
Dayê me'rûme, lûrikê hilde nava hevala bigerîne!
Lûrika min zaŕeke çêye,
Delala dilê dêye,
Lûrikê birevîne, bivine mala xalêye!
Lê-wayê, lê-wayê!
2. Kuŕê min kuŕekî başe,
Ezê kuŕê xwe birevînim, bivime mala kalkêye,
Dayê, rebenê, kuŕê min kuŕekî çêye,
Ezê belengaz kirim, ez mame t'enê!
Lê-wayê, lê-wayê!
3. Heft x^wazila vî zemanî
Wekî bavê min malxwê bû ez kevanî,
Ezê paşê malxwê malê bûme e'rd û xwelî!
Lê-wayê, lê-wayê!
4. Ç'iyao, ç'iyayê Cûdê,
Pismam — lêzima lê kirîye hevsûdê,
Xûşkê me'rûmê ç'avê xwe digerîne,
Birangê xwe nava pismama navîne.
Lê-wayê, lê-wayê!
5. Berfê ç'iyayê bilind şepe kir,
Kara xezalê serra çelapê kir,
Birangê min mirîye ez bêxwêyî kirim!
Lê-wayê, lê-wayê!
6. Ezê nasekinim hêlana bilind cîya,
T'oze — xûbare avîtiye serê dêlê bijiyê me'negîya!
Axir olime, mêrê olime, bra destê xwe ber serê... hilîne,
Bra xem û xêyal dilê xûška me'rûmda nemîne!
Lê-wayê, lê-wayê!

7. Te maleke xweŕa kirîye rî'atê
Dil-h'inavê xwe te pêda pa'tî,
Çawa tê, derdik'evî nola şivanekî heq-hilatî!
Lê-wayê, lê-wayê!
8. Ç'iyayê ro lê maye,
Qamçiyê zêŕ badaye!
Heyfa min tê malxwê malê çawa warreş, warindaye!
Lê-wayê, lê-wayê!
9. Kavla T'ivlîsê niveka dinê,
K'ûcê tenge rê naçinê,
Heyfa min tê xortê t'ûre malxwê malê k'etye ber mirinê!
Lê-wayê, lê-wayê!
10. E'rdê Antonovskî — e'rdekî dême
Tevirk'olo, tevirekî lêxe, e'rd arzême,
Heyfa min tê malxwê malê, kevaniya malê çawa têda
binixême?
Lê-wayê, lê-wayê!
11. Çi êt'ime ber dîwara,
Lê dike şilî-şilopê der bihara,
Weki bavê êt'ima dimire, k'esek t'une destê wana bigire
bive ber sit'ara.
Lê-wayê, lê-wayê!
12. Ç'iyayê bilind berfê lê kir,
Leglegê têda hêlûn çêkir,
...k'ete ber mirinê, t'emya hêsirê hûr nizam k'ê kir?
Xezal revî, xezal revî,
Ort'a min û xezal ç'îya, banî, mêrg û zevî!
Lê-wayê, lê-wayê!
13. E'wr-e'zmanayê denge
Emê t'abûteke malxwê malêŕa çêkin dara çame t'extê
fenge,
Bra malxwê malê têda negire xûbar û zenge!
Lê-wayê, lê-wayê!
14. Syaro, syarê Nenê,
Xaleke reşe li ber gerdenê,
Vala kirîye pişta qewm-pismama, xirab kirîye mala xwe
bi t'enê!
Lê-wayê, lê-wayê!
15. Dûmaneke xwe avite serê ç'îya,
Xûbareke xwe avite devê me'negiya,
Wê qetandiye destê her du bira!
Lê-wayê, lê-wayê!
16. Hek'îmo, rabe, k'ar bi k'ar ke,
Bîrînê bîrîndara derman ke!
Hek'im go: „Mala te xirav be, bîrîna wan k'ûr, xedere!
Feyda nake!“
Lê-wayê, lê-wayê!

17. Hek'imo ji Hemayê!
Melh'emeke çêke mûmê vê şimayê,
Pêştirê axê gofa k'ew birîna min nayê!
Lê-wayê, lê-wayê!
18. Şere li me şere!
Şere wî k'afirî k'etye serê sayîmana, lev digere!
Heyfa bavê hûrika malxwê mala
Welatê xeriba tene kuştin bê heyfa!
Lê-wayê, lê-wayê!
19. Kuştîyê me dikuştin,
Teyr û t'îya p'erê xwe dahiştin,
Xortê t'ûre welatê xeriba tene kuştin, cîda hiştin!
Lê-wayê, lê-wayê!
20. Syaro, syarê vê ce'niyê,
De tu qasekî bajo ser kaniyê!
Heyfa min tê xortê t'ûre malda maye gustil-t'emeziya
nişaniyê,
Lê-wayê, lê-wayê!
21. E'wrê reş, dileke:
Bra kewkiya berfê, taviya baranê mezelê t'eze neke!
Heyfa daykê dergûşa, bûkê rû bi xêlî, ç'avê-biriyê belek
xirav neke!
Lê-wayê, lê-wayê!
22. Lo-bavo, lo-bavo, lo-bavo!
Bavo, çima felekê ha kir?
Felekê serê xwe li min ba kir,
Bavê min miriye, mala min xirav kir!
23. Bavo, min belengazî, min sefilî, min sergerdan!
Bavê min miriye, ez bûme sefil!
Bavo, bavti tiştêkî çêye
Kurtî-bavti zeynete rû e'rdêye
Bavo, cinnet-cehnime destê xwedêye!
Bavo, te yekê neçê kir,
Te mala xwe ji mala min cihê kir!
24. Lo-were, lo-were, lo-were,
Hey-lo birao, biratî çîqa çêye,
Zeynete li rû e'rdêye,
Şin û girî destê xwedêye.
25. Hey-lo, birao, biratî çîqa xweşe,
Nonanî h'emayileke dor bi nexşe,
Hey-lo, birao, vê sibê zêyî-kinêze tene, gulyê wana
birîne, serê wana reşe!
26. Hey-lo, birao, bra me nehata bîna bayê dengê şinê,
Derê mala... — bira tê dengê şinê û vê girinê,
Cawa bidinê p'orkuîra qîzê, bra xwe bigihine,
Destê xwe bide ser devê vê birînê!
27. Lo-lo, syaro, syarê boza dêl bi h'inê,

- Welatê xeriba nîveka dinê,
Geli bira û pismanno, werin em berê xwe din welatê
xeriba, binêrîn, xeribê me çawa k'etine ber mirinê!
28. Hey-lo, syaro, ç'îya miqabilî ç'îya
Ezê dêna xwe didime qîzan û bûka, xêlê xemlê xwe
danîne, k'etine qilxê jinê bîya,
Heyfa min nayê kuştin e'fat û e'gîta, heyfa min tê yekî
xortê t'ûre welatê xeriba ser birînêd xwe dinalya!
29. Hey-lo, syaro, bra me nehata siîra sibê bîna bayê vê havînê,
Bra delalê dilê miîra tîkira bayê bawêşînê,
Çawa k'esekî wî t'une, destê xwe bide ser devê vê birînê!
30. Hey-lo, syaro, min sond xwarîyê, ezê t'ucar naçime ç'îya
Ezê naxwim ava kanî û belekiya,
Ezê ç'avê xwe digeîrînim, syarê xwe navînim nava k'oma
van êzdîya!
31. Hey-lo, syaro, ç'îyaê bilind berfê dililandin,
Xezal dadigeîryan berya jîrîn, ber t'ûmê hewşênê karê
xwe dimêjandin
Birînê xelqê yê şûra û qemanin
Birînê syarê min jî mîrê kulêne, axê goîfa xweda
dik'ewandin!
32. Hey-lo, syaro, syarê vê mih'inê,
Wê jî mala te tê dengê girî û sewta şînê,
He jî xema dilê miîra cerda neyara dak'ete ser vê k'eminê!
33. Lo-were, lo-were, lo-were,
Hey-lo, syaro, syarê me'negî dêlberday,
Qap'ûta ser mila zêr kilday,
Rojêd oxirme — giran dibe çerxê çê û mîrê hesp westyay.
34. Lo-were, lo-were, lo-were,
Hey-lo, syaro, syarê wê mih'inê
Wê jî derê mala te tê dengê girîn û sewta şînê,
Xirab kirîye mala pismam-lêzima, xirab kirîye mala xwe
bi t'enê!
35. Hey-lo, syaro, t'îrbê van cindîya
Emê bik'olin bilind cîya,
Bra ser t'îrbê delalada neyê avê belekiya,
Navêje ç'avê van delala t'oz û xûbarê van geliya!
36. Lo-were, lo-were, lo-were,
Felekê ha li min ha kir,
Milê xwe li me h'ejand, ç'eplê xwe li me ba kir,
Şe'dê-şû'dê şengesyarim gelek hene, t'eçalêd elêd girane
kirine qotikê pola, derî lê şima kir.
37. Keko, birano, p'atşayê syara lawîne,
T'ûx û fermanê xwe hildane digeîrîne,
Şe'dê-şû'dê şengesyarim gelek hene, girtiyê mîrê olime,
k'es nizane k'ê alî bişîne!

38. Keko, birano, berfê ç'iyayê bilind dililandin,
Karê xezalêd ber riyê jêrînda t'eriqandin,
Şe'dê-şû'de şengesyarim gelek hene, girtiyê mêrê olime,
girtin, şandin!
39. Hey-lo, syaro, tirsî min, me'rê van beyara
Wê bik'işe berê van zinara,
Wê biqosîne simêlê mêrê mêrxas, wê bixwe goştê birîndara.
40. Hey-lo, syaro, hek'îma k'etine k'êşê,
Emê vê sibê rabin, herîne pêşiyê,
Desteke bavêne dizgînê, desteke bavêne p'êşê,
Emê bêjin: „K'a dermana vê serêşê?“
41. Hey-lo, syaro, bra me nehata sîra sibê bîna bayê vê havînê,
Bra lênexista bejn û bala syarê min, neh'ejanda qotikê
h'emayilê rişê,
Teyî vê biharê me şikêrandiye piştî k'omê, qudûmê çokê
vê qebilê.
42. Hey-lo, syaro, ezê çûme Elegezê ser kaniyê,
Kewkîya berfê avîte k'apê h'emdaniyê,
Çawa k'esekî t'une paşî delalê malê k'oma xweîra têke
serwêriyê.
43. Hey-lo, syaro, payîze li me kire gazî,
Go: „Dara belgê xwe dawêşandin, gerdenê wana mane
rût û tazî,
Gelo, nifiîra k'ê bû, go: «Bra negîjî t'u bexta, t'u mirazî!»“
44. Hey-lo, syaro, sûka heta sûka,
Emê herîne bazarê, bazar bikin k'incê za'vatîyê xêliyê
bûka,
Gelo, nifiîra k'ê bû, go: „H'ina za'vatîyê bra bimîne ser
neynûka!“

ПЕСНИ ЖЕНСКОГО ЦИКЛА¹⁶⁻¹⁷

1. Люлька моя — деревянная!
О несчастная мать, возьми люльку, обойди с нею друзей!
Младенец мой — славный,
Любимец сердца матери!
Укради люльку, отнесем ее в дом к [моему] дяде!
Ле-вайе, ле-вайе!
2. Сынок мой — сынок хороший,
Украду я своего сына, отнесу в дом деда,
О мать, несчастная, сынок мой — сынок хороший,
[Но вот] сделал он меня несчастной, осталась я одна!
Ле-вайе, ле-вайе!

¹⁶⁻¹⁷ Из песен женского цикла исполняются на смерть малолетнего сына №№ 1, 2; отца — № 3; брата — №№ 4-6; главы семьи, хозяина дома (не ближайшего родственника или просто чужого) — №№ 7-13; мужчины (не родственника) — №№ 14-17; умерших на чужбине — №№ 18, 19; жениха — № 20; невесты или молодой матери — № 21.

3. Ах вернулось бы то время,¹⁸
Когда отец мой был хозяином, я — хозяйкой,
После [смерти] хозяина дома, стала я прахом и пылью.
Ле-вайе, ле-вайе!
4. О гора! Гора Джуд!¹⁹
Родные и близкие²⁰ завидовали ему!
Несчастная сестра глазами [все вокруг] обводит,
Не находит брата своего в толпе родственников!
Ле-вайе, ле-вайе!
5. Снег высокие горы сугробами покрыл,
Детеныш газели перепрыгнул через [сугробы],
Брат мой умер, оставил меня без защиты!²¹
Ле-вайе, ле-вайе!
6. Не останусь я на высоких местах,
Пыль покрыла хвост и гриву кобылицы,
О пусть, злосчастный [вестник],²² снимет свою руку с головы...²³
Пусть не останется горя и смятенья в сердце его несчастной
сестры!
Ле-вайе, ле-вайе!
7. Ты благоустроил дом свой,
Сердце и душу на это положил²⁴
Но, как видно, оказался ты в положении пастуха, которому не
заплатили!
Ле-вайе, ле-вайе!
8. Солнце остановилось на горе,
Золотой лентой опоясало ее,
Жаль мне хозяина дома, остался он без роду, без племени!²⁵
Ле-вайе, ле-вайе!
9. Проклятый Тифлис — половина света,²⁶
Улицы — узкие, не пройти по ним!
Жаль мне красивого юношу — умер у него хозяин дома!
Ле-вайе, ле-вайе!
10. Антоновский подъем — сырой,²⁷
О могильщик, ударь заступом, земля — сырая,
Жаль мне хозяина и хозяйку дома, как укроет их земля?
Ле-вайе, ле-вайе!

¹⁸ В тексте *heft x^wazila* — „семь раз хоть бы“.

¹⁹ Название горы, на которой, согласно мусульманской легенде, остановился Ноев ковчег.

²⁰ В тексте *pismam-lêzima* — „родственники и свойственники“.

²¹ В тексте *bê xweyî* — „без хозяина“.

²² В тексте *olim; mêrê olim* — „злосчастный человек“, эпитеты ангела смерти — Азраила.

²³ Имя умершего.

²⁴ В тексте *dil — h'înavê xwe rêda pa'tî* — „Сердце и внутренности свои ради этого спалил“.

²⁵ В тексте *warreş, warînda* — „с черным родом, с погибшим родом“; выражение это обозначает человека, у которого не осталось наследников по мужской линии, продолжателей рода; *tu warînda (warreş) bî* — „да погибнет род твой!“ — считается у курдов одним из наиболее тяжких проклятий.

²⁶ Выражение это (в представлении сказителя „свет клином сошелся“) отражает то обстоятельство, что курды-езиды, бежавшие из Турции в начале XX в., селились главным образом в Тифлисе.

²⁷ В тексте „земля Антоновская — земля сырая“; Антоновский подъем (гора) — старый район города Тбилиси, где расположено одно из городских кладбищ; значительную часть этого кладбища составляют захоронения курдов-езидов.

11. Что за сироты у стены?
Весенний ливень мочит их,
Когда отец у сирот умирает, нет никого, кто бы взял их за руку,
укрыл бы их!
Ле-ваие, ле-ваие!
12. Гора — высокая, снег покрыл ее,
Аист там гнездо себе устроил,
...²⁸ умер! Не знаю, кому же поручил он заботу о малых
сиротах?
Убежала газель, убежала!
Между мной и газелью — горы, ущелья, долины и нивы!
Ле-ваие, ле-ваие!
13. С облачных небес не доносится ни звука,
Смастерим мы гроб хозяину дома из ствола сосны, расцветивший
гроб!
Пусть в нем хозяина дома не тронет ни ржа, ни пыль!
Ле-ваие, ле-ваие!
14. О всадник! Всадник, [сидящий на кобылице] Нене,
Черная родинка [у тебя] на шее,
Сломил²⁹ ты спину своим родным, но разрушил один только
дом свой!
Ле-ваие, ле-ваие!
15. Туман окутал горы,
Пыль села на морду кобылицам,
Разъединились руки двоих братьев!
Ле-ваие, ле-ваие!
16. О лекарь, встань, приготовься,
Исцели раны израненных!
Отвечал лекарь: „Несчастная,³⁰ раны их — глубокие, опасные!
[Лекарство] бесполезно!“
Ле-ваие, ле-ваие!
17. О лекарь из Хамавенда,
Приготовь бальзам из воска этой свечи!
Ничто, кроме³¹ могильной земли, не исцелит мои раны.
Ле-ваие, ле-ваие!
18. Битва у нас, битва,
Битва с неверным дошла до границы, кипит там! [?]
Жаль мне отцов малюток, хозяев дома —
Не отмщенные убиты они на чужбине!
Ле-ваие, ле-ваие!
19. Наших убивают,
Птицы роняют на них свои перья.
Прекрасных юношей, на чужбине убитых, так и оставляют
[лежать] на месте!
Ле-ваие, ле-ваие!
20. О всадник, всадник, сидящий верхом на жеребце,
Подъезжай ненадолго к роднику,
Жаль мне прекрасного юношу, обручальное кольцо и платок³²
так и остались у него дома!
Ле-ваие, ле-ваие!

²⁸ Имя умершего.

²⁹ В тексте *vala kirîye* — „опустошил“.

³⁰ В тексте *mala te xirav be* — „да рухнет дом твой“.

³¹ В тексте *reştire* — „прежде, раньше“.

³² По курдскому обычаю жених, идя на обручение, которое происходит в доме невесты, приносит с собой обручальное кольцо и шелковый цветной головной платок (*t'emezi*), предназначенный в подарок невесте.

21. Черная туча, молю [тебя];
Пусть снегопад и потоки ливня не обрушиваются на свежие
могилы!
Жаль матерей малюток, невест с покрывалом на лице, [прошу]
не порть им красивые глаза и брови!
Ле-вайе, ле-вайе!

ПЕСНИ МУЖСКОГО ЦИКЛА³³

22. Ло-ло-ло, отец, отец!
Отец, почему судьба такое сотворила?
Судьба отвернулась от меня,
Умер отец мой, разрушил мой дом!
23. О отец, я — жалкий, я — несчастный, я — смятенный!
Отец мой умер, остался я несчастным!
О отец, отцовская [любовь] прекрасна!
[Любовь] отца и сына — украшение вселенной!
О отец, рай и преисподняя — в руках бога!
О отец, ты плохо сделал —
Свой дом ты от моего отделил!
24. Ло-вэра, ло-вэра
Хей-ло, о брат, как прекрасна братская [любовь],
Она — [лучшее] украшение вселенной,
Причитания и плач — в руках бога!
25. Хей-ло, о брат, как прекрасна братская [любовь],
Она словно разукрашенный амулет!
Хей-ло, о брат, сегодня придут [твои] родственницы, косы у них
обрезаны,³⁴ головы [повязаны] черным!³⁵
26. Хей-ло, о брат, пусть бы не доносился до нас запах ветра и звуки
причитаний,
От дверей...³⁶ — брата доносится плач и причитания!
Оповестите несчастную дочь, пусть придет,
Пусть возложит свою руку на [его] раны!
27. Ло-ло, о всадник, сидящий на сером коне, с хвостом, окрашенным
хной,
Чужая сторона — половина света!
О братья и родные, давайте пойдем на чужбину,
Посмотрим, как умерли [там] ушедшие [от нас] на чужбину!
28. Хей-ло, о всадник! Гора — напротив горы!
Гляжу я на девушек и невест — сняли они свои нарядные покрывала,
оделись, как вдовы!
Не жаль героев и джигитов, убитых [в бою], жаль мне прекрасного
юношу, что, страдая от ран, [умер] на чужбине!

³³ Из песен мужского цикла исполняются на смерть отца №№ 22, 23; брата — №№ 24—26; умерших на чужбине — №№ 27—29; родственников (не ближайших) — №№ 30—40; главы племени — №№ 41, 42; жениха — №№ 43, 44.

³⁴ По курдскому обычаю (как у езидов, так и у мусульман) близкие родственницы умершего (жена, мать, сестра, дочь) обрезают себе косы и кладут на могилу; иногда косы привязывают к палкам, которые втыкают в могильный холм. Выражение *р'оґ-киґи бе* (да станешь ты с обрезанными волосами), обозначающее пожелание смерти близкого родственника (мужа, отца, сына, брата), считается у курдов тяжким проклятьем.

³⁵ В случае смерти близкого родственника (мужа, отца, сына, брата) курдские женщины в течение одного года повязывают голову черным.

³⁶ Имя умершего.

29. Хей-ло, о всадник! Не доносился бы до нас [этим] ранним холодным
утром запах летнего ветра,
Пусть бы обвевал ветер любимца моего сердца!
Ведь нет у него никого, кто бы руку свою на его раны возложил!
30. Хей-ло, о всадник, я поклялся никогда не ходить в горы,
Не пить воду из родников и проталин,
Обвожу я [все вокруг] глазами —
Не нахожу всадника своего в толпе езидов.
31. Хей-ло, о всадник, с высоких гор снега низвергались,
Газели спускались в низины, в зарослях детенышей своих молоком
кормили,
У людей раны — от мечей и кинжалов, раны всадника моего от [руки]
злосчастного³⁷ исцелила их [лишь] могильная земля.
32. Хей-ло, о всадник, всадник, сидящий на этой кобылице,
Вот от дверей дома твоего доносятся звуки плача и причитаний,
На горе моего сердца свора недругов напала [на нас] из этой
засады!
33. Ло-вэрэ, ло-вэрэ,
Хей-ло, о всадник, [сидящий] на кобылице с расплетенным хвостом,³⁸
Накидка на плечах [твоих] расшита золотом,
В дни решающих битв судьба благоприятствует [нам],³⁹ а храбрые
мужи и на усталых конях [на битву выезжают].
34. Ло-вэрэ, ло-вэрэ,
Хей-ло, о всадник, [сидящий] верхом на кобылице,
Вот от дверей дома твоего доносятся плач и причитания!
Погубил ты дом своих близких, но по-настоящему погубил один
только дом свой!
35. Хей-ло, о всадник, могилы этим героям
Выроем мы на высоких местах,
Пусть к могилам тех, кто нам дорог, не стекает вода с проталин,
Пусть пыль из этих долин не садится на глаза дорогих [нашему
сердцу]!
36. Ло-вэрэ, ло-вэрэ!
Вот что сотворила со мной судьба,
Она занесла над нами свою десницу, обрушила на нас свою длань!
Свидетелей всяких у всадника прекрасного моего много,
Старейшины племени положили его в булатный ящик, двери
запечатали!
37. О братья! Падишах всадников — молод,
Взял он свое знамя и приказ, развозит [по деревне],
Свидетелей всяких у всадника моего прекрасного много,
Стал он пленником злосчастного [посланца небес], никто не
знает, в какую сторону его ушлют! [?]
38. О братья, снега с высоких гор низвергались,
Детенышей газелей на нижнюю дорогу пригнали,
Свидетелей всяких у всадника моего прекрасного много,
Стали они пленниками злосчастного [посланца небес], схватил [он
их] и усла. [?]
39. Хей-ло, о всадник, я боюсь, что с этих горных лугов
Змеи поднимутся на эту скалу,
Обгрызут они усы у [павших] героев, обгложут плоть [у наших]
раненых.

и

³⁷ В тексте *mêgê kîlê* — „человек, [несущий] горе“, эпитет ангела смерти — Азраила.

³⁸ По обычаю курдов-езидов верховым коням заплетают хвост. Когда же конь участвует в траурной процессии (котэль), хвост у него не заплетен.

³⁹ В тексте *dibe çegxê çê* — „бывает благоприятное вращение [колеса судьбы]“.

40. Хей-ло, о всадник, лекари отправились в поход,
Выйдем мы сегодня утром им навстречу,
Одной рукой возьмемся за [узду их коней], другой — за подола
[их одежды],
Спросим мы: „Где лекарство от недуга?“
41. Хей-ло, о всадник, не доносился бы до нас этим ранним холодным
утром запах летнего ветра,
Пусть бы не колыхал он стан моего всадника, не играл бы кистями,
амулетом и бахромой его [головного] платка!
В эту весну сломил ты нам спину, подломил ноги нашего племени.
42. Хей-ло, о всадник, ездил я в Алагяз к роднику,
Снегопад набросал снег на копыта [моего] хамаданского скакуна,
Ведь нет никого после любимца дома, кто бы встал во главе
племени!
43. Хей-ло, о всадник, осень окликнула нас,
Сказала она: „Листья с деревьев осыпались, шеи их обнажились,
Кто же проклял тебя так: «Не достичь бы тебе ни счастья, ни
желанья!»“
44. Хей-ло, о всадник, от ряда к ряду⁴⁰
Пойдем мы по базару, купим наряд жениху, покрывало — невесте,
Кто же это проклял тебя так: „Пусть жениховская хна останется
[у тебя] на ногтях?“⁴¹

M. B. Rudenko

THE FUNERAL SONGS OF THE YEZIDI-KURDS OF TRANSCAUCASIA

The article is based on the original material collected by the author during his stay among the Kurds of Transcaucasia.

The author states that the funeral songs are one of the most ancient and at the same time one of the living genres of Kurdish folklore.

According to the material all the funeral songs may be divided into two principal groups (cycles)—the songs performed by the men and by the women. The first is characterized by the heroic-epical specimens, while in the second one the lyric motives prevail.

Within the „masculine“ cycle there are some special songs performed during the „k'otel“ ceremony, when on the day of the burial the horse of the deceased with lamentations is led from one house to another.

A special group of funeral songs is devoted to the bemoaning of those who died (or were killed) in the strange lands.

The funeral songs are never performed in chorus, but always by single singers in consecutive order of relationship. Unfortunately there was no

⁴⁰ В тексте „от рынка к рынку“.

⁴¹ По мусульманскому обычаю, принятому также и у курдов-езидов, жених и невеста окрашивают во время свадьбы ладони и ногти хной. Здесь выражение это означает: „Умереть бы тебе женихом!“.

possibility to record the tune of the songs because of the superstitious fear of all the performers.

The form of the funeral songs represents triolets and quatrians, rhymed in aaa, aabb, with a special refrain.

The funeral songs contain a large material concerning the spiritual and material culture of the Kurds as well as their customs and traditions.

